

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАТКИ КУЛЬТУРЫ

Становление человека. Ископаемые представители раннего человечества. Начальные стадии развития культуры. Развитие охоты. Первобытный образ жизни. Овладение огнем. Первобытное человеческое стадо. Начальные формы брака. Возникновение мышления и речи. Безрелигиозность стадного человека.

«Труд, — писал Энгельс, — ...первое основное условие человеческого существования, — и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹.

Но что следует в данном случае разуметь под понятием труда? Ведь и про животных говорят, что они трудятся, добывая себе пищу, сооружая свое жилище. А обезьяны умеют даже сбивать палкой плоды с деревьев, раскалывать камнем кокосовые орехи и пр. Энгельс дает ответ и на этот вопрос. «Ни одна обезьянья рука, — писал Энгельс, — не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа... Процесс труда начинается только при изготовлении орудий»².

Итак, создание хотя бы самого примитивного орудия создало самого человека, положило грань между ним и животным, было первым шагом к господству человека над природой.

В настоящее время всякому мало-мальски образованному человеку, не одурманенному религиозными россказнями, известно, что человек произошел от вымершего вида животного, являющегося общим предком как человека, так и современных человекоподобных обезьян. Возникновение человека — единственное и неповторимое событие в истории органического мира. Оно было связано с особыми, исключительно благоприятно сложившимися в одной местности земного шара условиями. Считается вероятным, что географическая область возникновения человека лежала где-то в южной оконечности Азии. Данный взгляд на возникновение человечества получил название теории *моногенеза* (греч. *monos*, «один», и *genesis*, «возникновение»). Взгляд этот был высказан в науке уже давно, но столь же давно реакционное крыло буржуазной науки выставило противоположное утверждение, ни на чем не основанное, будто человек возник одновременно в различных местах земного шара. Эта теория *полигенеза* (греч. *polus*, «много») имеет чисто расистскую окраску, утверждая в то же время и изначальное возникновение различных видов человека, различных рас. С вопросом о возникновении рас мы встретимся ниже.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 452.

² Там же, стр. 453, 457.

Шаг за шагом побеждая природу, человечество стало размножаться, а вместе с тем, путем постепенной подвижки отдельных групп, расселяться из места своего начального возникновения по всему земному шару. Наиболее поздно произошло заселение Америки, Океании и Австралии.

Отделившись от остального животного мира и постепенно расселяясь, человек, однако, в течение длительного периода продолжал еще биологически совершенствоваться, продолжался процесс *антропогенеза* (греч. *antropos*, «человек»). В основе этого процесса лежал опять-таки труд и, как это показал Энгельс, в первую очередь — развитие руки как органа труда. За этим, в процессе совершенствования всего человеческого организма, следовало развитие прямохождения, развитие разума и мозга, развитие мышления и речи.

Сравнительно лишь недавно, открытиями, начавшимися с середины XIX в., наука осветила, правда, еще далеко не полную картину этого формирования человека. Произведенными одновременно в различных местах земного шара раскопками, нередко случайно, было извлечено из земли несколько вымерших представителей раннего человечества. Эти открытия дали ряд последовательных звеньев становления человеческого вида.

Наиболее ранний из ставших таким образом известными представителей ископаемого человека получил название *питекантропа* (греч. *pithekos*, «обезьяна»; *antropos*, «человек», — «обезьяночеловек»). В 1890 г. на острове Ява голландским врачом Дюбуа были раскопаны части скелета обезьяноподобного существа, которое после долгих споров было признано человеком, а не обезьяной. Вторым звеном является раскопанный совсем недавно, в 1927 г., в пещере близ Бейпина в Китае так называемый *синантроп* («китайский человек»), причем здесь последующие раскопки в том же месте значительно расширили и обогатили это открытие. На сей раз наряду с большим количеством костей, принадлежавших около 40 особям, обнаружены и простейшие каменные орудия, кости животных, очевидно служивших пищей синантропу, и, наконец, следы использования огня. Несколько особняком стоит сближающаяся с синантропом находка в 1907 г. близ г. Гейдельберга в Германии одной лишь нижней челюсти, дающей все же возможность судить о строении черепа и даже всего скелета этого «гейдельбергского человека».

Следующее звено в этой цепи становления человека представлено находкой, сделанной в 1856 г. случайно, при земляных работах, в Неандертале, близ г. Дюссельдорфа, в Германии. Здесь были найдены черепная крышка и оба бедра. Эта находка, являющаяся самым ранним из этих открытий ископаемого человека, возбудила в свое время отчаянные споры в ученом мире. Знаменитый тогда немецкий реакционный антрополог Вирхов объявил найденные части скелета принадлежащими не первобытному человеку, а современному, объясняя особенности строения этих костей последствиями вырождения от сифилиса или алкоголизма. Нашлись ученые, утверждавшие, что мы имеем здесь дело с остатками скелета идиота, сбежавшего из сумасшедшего дома. Но за этой находкой последовал длинный ряд новых находок совершенно подобного типа человека, представленного уже не отдельными частями, а иногда и цельным скелетом, причем во многих случаях окруженным различными следами деятельности человека — каменными орудиями, остатками костров и пр. Сейчас этот ископаемый человек, сохранивший название *неандертальца*, представляет собой уже не единичную находку, как названные выше его предшественники: пребывание его обнаружено теперь во многих местах Европы, в Южной Африке, в Палестине, на о. Ява (там же, где питекантроп!). Оставил свои следы неандерталец и на территории СССР — в Крыму, на Северном Кавказе. Совсем недавно, в 1938 г., замечательную на-

ходку сделала советская наука, открывши неандертальца в пещере Тешик-Таш, в Узбекистане. Важно отметить, что хотя отдельные найденные особи этого, как мы видим, широко расселенного ископаемого человека не лишены индивидуальных различий, все это — единый вид человека.

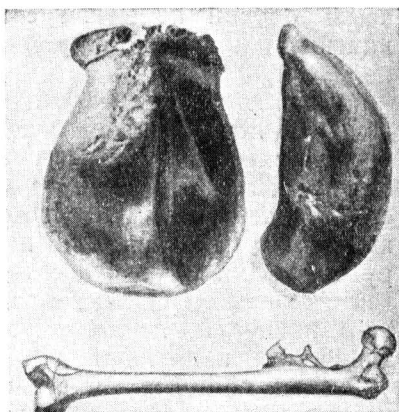
Описанный ряд представителей раннего человечества отчетливо обнаруживает стадияльное освобождение от признаков, свойственных человекообразным обезьянам, и приближение к типу современного человека: совершенствование прямохождения, исчезновение набровных валиков, образование подбородка, выпрямление лба и пр. Но наиболее показательно, пожалуй, увеличение вместимости черепа, связанное с развитием мозга. Сопоставляя данные о вместимости черепа самой крупной из современных обезьян, ископаемых людей и современного человека, мы получаем следующий ряд:

Горилла	600 см ³
Питекантроп	900 »
Синантроп	1000 »
Неандерталец	1400 »
Современный человек	1600 » (в среднем).

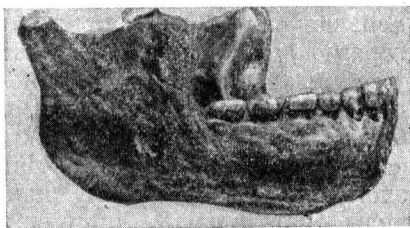
Как можно было видеть, лишь вместе с остатками синантропа и неандертальца были найдены следы их трудовой деятельности, в частности примитивные каменные орудия. Гораздо более многочисленны археологические находки одних памятников материальной культуры рассматриваемого периода. Эти начавшиеся примерно с того же времени, с которого начались и открытия ископаемого человека, т. е. с середины XIX в., и неуклонно умножающиеся археологические открытия дают нам сейчас уже достаточно широкую картину начального развития материальной культуры.

Первым материалом, служившим человеку для изготовления орудий и оружия, был камень. Говоря, однако, точнее, не камень вообще, а преимущественно кремьен, либо близкие ему породы минералов, в частности кварц. Кремьен очень широко распространен по всему земному шару, причем в этом минерале сочетаются три весьма важных качества: твердость, способность раскалываться на пластины и способность давать острые режущие края. Все это предопределило выдающуюся роль кремья в истории культуры. Можно сказать, что не будь в природе скромного кремья, начальная история человечества пошла бы каким-то совершенно иным путем.

Материалом для приготовления ранних орудий и оружия служило также дерево, однако оно вошло в употребление позже камня, ибо для обработки дерева необходимо более твердое орудие, каковым и могло служить на данной стадии именно каменное орудие. Деревянные орудия либо деревянные

Части скелета питекантропа

Гейдельбергская челюсть

части орудий не могли сохраниться в земле так же стойко, как каменные, и ранних следов употребления дерева археология вскрыть не может.

Археологические раскопки, относящиеся к каменному веку, производились первоначально главным образом во Франции. Вслед за тем эти раскопки распространились по другим странам, и в последнее время широко были поставлены в СССР. Накопленный материал, свидетельствуя о неуклонном прогрессе техники и культуры, дает возможность выделить ряд стадий. Эти последовательные стадии представлены обнаруживаемыми в различных местах земного шара остатками человеческой деятельности определенного типа, получившими в науке название «культур», именуемых по тем местностям, где были найдены впервые наиболее типические памятники данной культуры.

Самая примитивная стадия представлена шельской культурой (по местечку Шель в Сев. Франции). Она характеризуется основным видом орудия — грубо оббитым кремнем, имеющим форму толстого миндаля, довольно большого размера, до 10—12 см в длину. Орудие это именуется обычно «ручным ударником», «ручным рубилом» или «ручным топором». Шельское рубило имело, вероятно, универсальное применение, служа и ударным, и режущим, и скребущим, и колющим орудием, а одновременно и метательным оружием. Трудно, действительно, представить себе шельца совершенно невооруженным. Спорно, являются ли также обработанными орудиями или представляют собой лишь осколки находимые на шельских стоянках кремневые пластинки. Шельские стоянки обнаружены до сего времени в очень небольшом числе. Условия местности их залегания свидетельствуют о теплом климате.

Следующая стадия истории раннего человечества представлена гораздо более распространенными, известными по многим местам Европы, а также в Африке и Азии памятниками, объединяемыми под названием ашельской культуры (по местечку Сент-Ашель, также в Сев. Франции). Характерное и, в свою очередь, почти единственное орудие этой культуры — то же рубило, несколько меньшего размера, чем шельское, более правильной формы, гораздо лучше отделанное, с тщательнее обработанными путем поперечных сколов, так называемой «ретуши», острыми краями. В более поздних стоянках Ашеля обнаруживаются уже и мелкие каменные орудия. Ашельские стоянки отличаются от шельских тем, что наряду с орудиями они хранят и другие следы пребывания и деятельности человека — большое количество костей диких животных, мамонта, носорога, а также следы использования огня.

Наконец, третья стадия изучаемого нами раннего периода истории представлена мустьерской культурой (по названию местности и пещеры на юго-западе Франции). Культура эта распространена еще более широко, чем ашельская; выдающимся памятником ее на территории СССР является пещера Киик-коба в Крыму, близ г. Симферополя. Данная стадия характеризуется значительным прогрессом техники. Рубило, типическое для предшествующих стадий, встречается здесь реже; к тому же оно еще меньше размером и притом, — что особо знаменательно, — отделано гораздо грубее: можно сделать вывод, что это универсальное орудие уже вытесняется орудиями более специализированными. Типичное орудие мустьерской культуры — кремневый остроконечник. В своих более совершенных формах этот остроконечник мог служить наконечником для копья. Надо думать, действительно, что в эту эпоху на смену рубилу как метательному оружию возникли новые виды метательного оружия, а именно копье и дротик. Как ни примитивны эти виды оружия, мысль усовершенствовать разящий камень и придать ему палку была гениальным изобретением мустьерца.

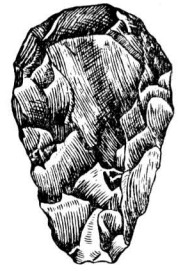
Это давало лучшую возможность прицеливания и выпрямляло траекторию, описываемую бросаемым камнем. Другим типическим орудием мустьерской культуры является скребло. Данная стадия знаменуется и использованием нового материала—кости, из которой изготовлялись мелкие заостренные орудия. На мустьерских стоянках находят обычно, причем иногда в большом количестве, кости крупных животных — преимущественно мамонта, затем носорога, пещерного медведя, дикой лошади, северного оленя и др. Наконец, обычны для стоянок Мустье и остатки костров. Флора и фауна данной культуры говорят о переходе от теплого к холодному климату в результате происшедшего в то время оледенения.

Мустьерские стоянки сохраняют в ряде случаев следы современного им человека. Это — описанный нами неандерталец. Мустьерская культура является, таким образом, культурой неандертальца.

Шельская и ашельская культуры объединяются обычно общим наименованием нижнего палеолита, мустьерская культура составляет средний палеолит.

Описанные памятники ранней культуры помогают нам осветить несколько спорный вопрос о начальных формах производительной деятельности человека. На первых порах природа оказывается еще сильнее человека и ему приходится к ней приспособляться. Поэтому первоначально человек поддерживал свое существование преимущественно за счет тех видов пищи, которые были наиболее доступны. Вполне вероятно, что основу питания человека составляла первоначально растительная пища — плоды, ягоды, корни. Но столь же рано сюда прибавлялись и мелкие представители животного царства, равно как и рыба, выброшенная на берег прибоем или пойманная просто руками. Наконец, легко могло первобытному человеку доставаться и мясо павших крупных животных. Иногда высказывается взгляд, что человек первоначально мог охотиться только на мелких животных, охота же на крупных была ему, по несовершенству оружия, недоступна. Но забывают о том, что уже в ту пору человек обладал величайшим оружием — коллективом, в котором он жил и добывал себе средства к существованию. Это давало ему возможность уже тогда, владея хотя бы только таким метательным оружием, как шельское рубило, устраивать массовые охоты на крупного зверя. Такая охота в виде облав и загонов, а равно посредством различных капканов, ловушек и пр. широко распространена у всех современных отсталых племен и народностей. С развитием техники охота начинает интенсивно развиваться и становится для данной стадии основной отраслью производительной деятельности человека. О развитии охоты наглядно свидетельствует все умножающееся количество костей крупных животных на ашельских и мустьерских стоянках.

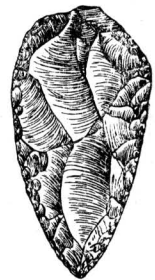
С развитием производительных сил изменяется и образ жизни человека и характер его стоянок. Надо полагать, что первоначально человек сохранял еще обычное, хотя бы частично, жить на деревьях, что давало ему убежище от хищных зверей. Во всяком случае, условия примитивной охоты поддерживали близость первобытного человека с деревом. Не случайно некоторые современные отсталые племена сохраняют особую способность лазить по деревьям.

Шельское рубило

Ашельское рубило

Мустьерский остrokonechnik

Один путешественник по глухим районам Австралии рассказывает, что однажды их караван достиг одинокую австралийку. Увидев европейцев, она в крайнем испуге с необычайной быстротой и ловкостью взобралась на ближайшее большое дерево и, отломив от него ветку, приготовилась защищаться. Невероятную для европейца способность влезать на высокие гладкоствольные деревья, охотясь на опоссумов, обнаруживали женщины у тасманийцев. Наконец, у некоторых отсталых племен Индонезии и Новой Гвинеи сохраняется и по сей час обычное дело часть года обитать в шалашах, сооруженных на ветвях громадного дерева.

Но, став человеком, наш предок окончательно сошел с дерева и стал устраиваться на земле. Постоянные поиски пищи заставляли человека переходить с места на место. С развитием охоты, в особенности на крупных животных, человек достигает уже некоторой, хотя бы кратковременной, обеспеченности пищей и дольше задерживается на своих стоянках. Об этом отчетливо говорит изменение характера стоянок трех описанных нами стадий. Шельские и ашельские стоянки носят все черты весьма кратковременных остановок и поэтому, в частности, расположены на открытых местах. Поэтому, вероятно, стоянки этих стадий не сохранили и остатков самого человека. Мустьерские стоянки уже резко отличаются: они говорят о более длительном обитании, обнаруживают иногда большой культурный слой, обилие костей животных, и расположены преимущественно под навесом скалы либо в пещере. Пещера надолго остается излюбленным убежищем или естественным жилищем человека. Поэтому иногда говорят об «эпохе пещерного человека».

Как мы видели, ашельские и мустьерские стоянки хранят следы костров. Таким образом, уже в эту раннюю пору человек владел огнем. Это была первая сила природы, использованная и подчиненная человеком. Овладение этой силой составляет величайшее достижение человеческой культуры. Сравнивая открытие добывания огня с той революцией, которая была совершена изобретением паровой машины, Энгельс писал, что добывание огня превосходит эту революцию «по своему освобождающему человечество значению... оно впервые дало человеку господство над определенной силой природы и благодаря этому окончательно оторвало его от животного царства»¹. Однако, констатируя наличие костров в ашельских и мустьерских стоянках, мы не можем сказать, умел ли уже человек этой эпохи добывать огонь или только научился его использовать. Дело в том, что огонь существует или нередко возникает в самой природе, огонь вулканический, зажигаемый молнией, возникающий от трения сухих веток дерева и пр. Мы знаем, что отсталые племена и сейчас, с одной стороны, нередко используют такой огонь, с другой стороны, уже обладая различными способами добывания огня, все же предпочитают сохранять его в виде тлеющей головешки или заимствовать у соседей. Рассматриваемая эпоха не сохранила никаких следов искусственного добывания огня. Мы поэтому описание ранних способов добывания огня и соответствующих приборов относим к последующему изложению.

Что собой представлял человеческий коллектив в рассматриваемую начальную эпоху? Мы знаем прежде всего, что прямые предшественники человека — ископаемые обезьяны — были стадными животными. С другой стороны, мы можем утверждать, что возникновение человека, а вместе с тем и возникновение труда в виде изготовления орудий было мыслимо только в коллективе. Шельский ударник в самом первоначальном своем виде был по-своему гениальным изобретением какого-либо одного индивида. Но только коллектив создавал условия и предпосылки для

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 114.

того, чтобы это изобретение не погибло, чтобы оно распространилось и передалось последующим поколениям. Только коллектив обеспечил возможность сохранения, расширения и передачи тех навыков, которые были необходимы для усовершенствования этого изобретения. Коллектив был и остался навсегда основным и непреходящим условием человеческого прогресса. Таким образом, ранняя общественная группа представляла собой нечто вроде стада, явившегося первой, естественно возникшей формой общины. «Первые люди, — писал Энгельс в письме к Лаврову от 12 ноября 1875 г., — вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»¹. В свою очередь и Ленин называл начальную общественную форму первобытным стадом².

Соответственно уровню развития производительных сил, эти первобытные человеческие группы не могли быть ни особенно большими, ни постоянными: в разных местностях в зависимости от естественных возможностей пропитания, от сезона и пр. такие группы могли быть более или менее крупными, могли распадаться и вновь скапливаться, меняясь в своем составе. Какой-либо прочной связи между членами этой группы существовать не могло. Не могло быть на данном этапе и какой-либо связи между отдельными стадами. Обо всем этом свидетельствует характер нижне-палеолитических стоянок: это — стоянки небольших коллективов, расположенные, если они обнаруживаются в одной местности, на расстоянии не менее 150 км одна от другой.

Немного можем мы сказать о внутренних отношениях в первобытном стаде. Надо допустить, что оно естественным образом возглавлялось вожаком, и вполне вероятно, что таким вожаком была скорей женщина, чем мужчина. Вопреки распространенному взгляду и в стаде диких животных вожаком бывает преимущественно самка, а не самец. Естественно, далее, что сколько-нибудь прочных связей между ладами в ту эпоху не могло существовать, точно так же, как и каких-либо в этом отношении ограничений или правил. Это начальное состояние брака было названо *промискуитетом* (лат. *promiscuus*, «смешанный», «всем доступный»), или беспорядочными половыми отношениями. Но уже на рассматриваемой нами стадии возникло, видимо, чисто стихийным путем, первое ограничение половых отношений, а именно, исключение из полового общения родителей и детей, равно как дедов с бабушками и внуками, но еще возможно было половое общение между братьями и сестрами. Об этом свидетельствуют последующие формы брака и семьи.

Диаметрально противоположную позицию в данном вопросе с исключительной стойкостью занимает буржуазная наука. Соответствующие взгляды, высказанные впервые еще древнегреческим философом Аристотелем (IV в. до н. э.), оформились впоследствии в так называемую «патриархальную теорию». Согласно этой «теории», начальной общественной формой человечества была семья, состоявшая из родителей с их потомством и находившаяся под неограниченной властью главы семьи — патриарха. Эта начальная семья была вместе с тем воплощением и частной собственности, и единобожия. Таковой якобы и остается в неизменности основная ячейка человеческого общества на протяжении всей его истории, являясь главным устоем всего общественного строя. «Патриархальная теория» не только говорит о начальной общественной форме и не только стремится утвердить патриархальную семью в качестве оплота классового общества; она имеет и более широкие политические цели.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 410.

² См. «Ленинский сборник» I, стр. 158, изд. 3-е.

Длинный ряд идеологов классового строя пытается на этой основе и классовое государство изобразить как нечто производное от той же патриархальной семьи, а главу государства, монарха, — как некоего «патриархального» «отца народов».

К изучаемой нами эпохе относится возникновение и начальное развитие величайшего дара, каким обладает человек, дара, резко отделившегося его от остального мира животных и являющегося могущественнейшим условием и фактором прогресса, — дара мышления и речи. Буржуазная наука уже давно мудрствует по вопросу о том, что возникло раньше — мышление или речь, мысль или слово. Ясно, что то и другое неразделимым образом связано, речь возникает одновременно с мышлением, мысль неотделима от слова, язык является лишь реальным выражением мышления. Возникновение того и другого материалистически обусловлено тем же, что обусловило возникновение самого человека, а именно, коллективом и трудом. Создание самого простейшего орудия потребовало работы мысли, а поскольку такое создание могло произойти только в коллективе, оно потребовало и какого-либо способа выражения и передачи этой мысли. «Развитие труда, — писал Энгельс, — по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества... формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*»¹.

Но речь в таком виде, в каком ею владеет современный человек, возникла, конечно, не сразу, и ее развитие неразрывно связано с развитием всего организма человека, в особенности с развитием — в процессе развития мышления — мозга. Уже от своего предка человек унаследовал в основе чисто рефлекторную способность выражать свои чувства физиологическим выкриком, отчасти также и мимикой. С развитием руки как органа труда к этим способам выражения чувствования у человека прибавился новый способ — движение руки, жест. Эти первые формы речи были названы советским академиком Н. Я. Марром *кинетическими* (греч. *kinesis*, «движение»). Так, кинетическая речь сделалась у человека начальным способом выражения не только чувствований, но и мышления, не только аффективным или рефлекторным явлением, но и способом выражения и передачи мысли.

Но с дальнейшим развитием в трудовом процессе всего человеческого организма, в частности, с развитием прямохождения, голосовые связки освобождаются от давления, выкрики развиваются в слова, и решающей формой речи становится речь голосовая, членораздельная. Эта форма речи, однако, в описываемом сейчас периоде была еще только в зачатке, если судить по строению черепа неандертальца, в частности, по отсутствию у него подбородка.

Естественно, что круг представлений и понятий стадного человека был по своему объему и содержанию крайне узок, мысль — крайне бедна и неразвита, будучи ограничена тем узким опытом, который человек смог за это время накопить.

Один чрезвычайно важный вопрос мы должны уже здесь затронуть, имея в виду к этому вопросу еще вернуться в последующем изложении.

Буржуазная, — не говоря о чисто поповской, — наука настойчиво приписывает самому раннему человечеству религию, присущую ему, таким образом, якобы изначально. Тут одни авторы готовы утверждать, что религия свойственна уже животным и человеку осталось биологически ее унаследовать. Находятся авторы, пускающиеся в рассказы о том, что обезьяны имеют культ змей, что собака испытывает нечто вроде культа по отношению к своему хозяину и пр. Воздерживаясь от подоб-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 454, 455.

ных нелепостей, иные авторы все же утверждают, что религия «органически» присуща человеку, причем не религия вообще, а именно ее «высшая» форма — единобожие, или монотеизм. Характерно, что эта теория изначального монотеизма, или «прамонотеизма», особо усиленно насаждается в буржуазной науке в самое последнее время.

Подлинно научные соображения говорят о том, что человечество в самую раннюю эпоху своего существования, а именно в период первобытного стада, совершенно не знало религии в какой бы то ни было, хотя бы самой зачаточной, форме. Археологические памятники данной эпохи не дают никаких признаков существования религии. Но не только этот отрицательный момент решает вопрос. Религия не дана биологически и не могла быть унаследована человеком от своего животного предка. Религия представляет собой явление надстроечное, возникающее, как мы увидим впоследствии, на известном этапе развития человека и на определенном базисе. Итак, человек первобытного стада не знал религии, и начальная эпоха существования человечества—эпоха безрелигиозная.

В настоящее время не существует на земле таких отсталых племен, которые бы сохранили в своем быту черты рассмотренной нами отдаленной эпохи. Даже самые отсталые из них все-таки уже далеко ушли от нулевой точки культуры. Таким образом, сейчас нет таких племен, которые употребляли бы каменные орудия шельского, ашельского или мустьерского типа, которые жили бы стадами, у которых сохранился хотя бы в пережитке промискуитет, которые не знали бы религии в какой-либо элементарной форме. Это не мешает буржуазным авторам зачастую называть общественные группировки современных отсталых племен «стадами» или «ордами» и приписывать им все смертные грехи первобытности.

